

Майя Кучерская

Майя Кучерская

ТЫ БЫЛА СОВСЕМ ДРУГОЙ

Одиннадцать
городских историй

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К95

Художественное оформление *Елены Сергеевой*

В оформлении переплета использован фрагмент картины
Джозефа Райта «Девочка с голубем»

Кучерская, Майя Александровна.

К95 Ты была совсем другой : одиннадцать городских историй / Майя Кучерская. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 350, [2] с.

ISBN 978-5-17-098887-7

«Ты была совсем другой» — новая книга прозаика Майи Кучерской. Одиннадцать городских историй о том, как увидеть и понять другого человека. Как совершить прыжок за пределы собственного бытия и, тем не менее, выжить. Пути героев пролегают вдоль Чистых прудов, московских набережных и в окрестностях Арбата, по тропам русского захолустья и итальянской деревушки, незаметно превращаются в лабиринт, наводненный призраками прошлого и несбывшегося. Никогда не узнаешь, что выведет: симфония Шостаковича, жаворонок на проталинке или просто объятие.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098887-7

© Кучерская М.А., 2017.
© ООО «Издательство АСТ», 2017.

Содержание

Голубка	7
Обними меня	119
Остров некормленных волчат.....	148
Ты была совсем другой	171
Театр кукол	210
Из цикла «Домоводство»	226
Станция «Арбатская»	259
Гостиница «Луна»	278
Паяцы	297
Небывальщина	331
Речь	345

Голубка

История одного исцеления

1.

Рыжий.

Самый отважный, самый красивый на свете хитрый рысь. Родной.

Тебе нравилось, помнишь? Когда я звал тебя этими именами. Голубка моя.

И так нравилось тоже. Ты отзывалась на всё. Никого потом так и не встретил отзывчивей. А теперь? Некому бросить позывной, расслышать отклик и запалить этой вспышкой вселенную, растопить ее, словно гигантскую печь, пусть пылает, трещит березовыми полешками, греет.

Как такое возможно? Самые главные слова — некому. А ведь она жива, доктор. Просто называет ее самыми важными словами другой. Слушает, внезапно проснувшись, как безмятежно и ровно она дышит, смотрит, как она надула губы во сне, отлежала щеку, как рассыпались по подушке темно-рыжие волосы и вдруг вспыхнули в первом солнечном луче.

Почему я должен жить без этого? Закованный в немоту, в ее отсутствие навсегда, и так не день, не месяцы, не годы — злую вечность без горизонта.

Дважды, доктор! я пытался перехитрить судьбу, дважды предлагал ей руку и сердце. Предпоследний раз в самый подходящий из дней того дикого года — день ее свадьбы.

Но по порядку, за шагом шаг, доктор, как вы и просили.

2.

Все началось с ремонта.

Тут уж я точно ни в чем не виноват. Полтора месяца назад, в середине апреля, в нашем доме затеяли капитальный ремонт. И все обвалилось. Приступы, не повторявшиеся уже несколько лет, вернулись. Глубокой внутренней боли, печали, невыносимости жить. Тоски! Без всяких объективных причин. Боль такая, что нельзя приближаться к открытым окнам, нельзя даже к закрытым.

При чем тут ремонт, да? Очень просто: в подъезде красили стены, из темно-зеленых превращали в брезентовые, защитного цвета, мы на вечной войне, доктор, белили потолки и меняли лифт. Лифт. Это означало, что на восьмой этаж нужно подниматься пешком. Подумаешь, пожмете вы плечами, мужчина ваших лет и комплекции на восьмой этаж должен взлетать быстрее ветра. Блестяще сказано, доктор, но окна. Окна!

В подъезде, пропитанном запахом краски, в теплые апрельские дни окна распахиваются широко, настежь. И с жадной щедростью соскучившейся по ласке одинокой женщины манят, тянут меня вниз. Доктор, весенний, по верхушкам людей и домов скользящий ветер, девушки в легких плащиках и разноцветных юбках, ветер жует и треплет их, как нахальный щен, а потом, наигравшись, слабо покачивает развешанное во дворе белье (такого уже почти не встретишь, но кое-где все еще случается) — я схожу с ума.

И так каждый день. Не осторожные щели, не робкие форточки — распахнутый зев. В каждом пролете. И ладно бы между вторым и третьим, третьим и четвертым, но и выше: между шестым и седьмым, седьмым и восьмым этажами окна открыты тоже.

Доктор, вы спросили меня примерно в середине приема, уже отстучав молоточком по моим послушно прыгающим коленкам: а что вы любите в жизни, Михаил? Любите сильнее всего, существует такое?

Я усмехнулся, пробормотал что-то вроде «да, наверное», вы застали меня врасплох, и я отмолчался. Доктор! Теперь я готов. Что люблю?

Глаза и мордочки моих мальчишек — люблю. Как они прыгают на меня сразу оба. Рыжеволосых с кошачьей зеленью в глазах (это зелень страсти, доктор! она зеленая, все вранье про цвет крови и ее оттенки), автомобили премиум-класса, мягкий и мощный звук, с каким они срываются с места, и этот особенный запах очень дорогой машины в салоне. Курнуть

под настроение кальян, вдохнуть вкусного дыма, под тихое бурчание воды, вот нравится, расслабляет, а еще итальянцев эпохи Возрождения, особенно женские портреты, их матовую кожу с сиянием внутри, а еще смешать голливудский боевичок с одно-солодовым виски в вытянутом стакане вечера — люблю. Незрелые кислые яблоки, кепки из мягкого фетра, в крупную клетку, идеальное сочетание зеленый-красный. Стейки *medium rare*, чтобы трудно, но сочно было жевать. У меня куча слабостей, доктор! Да, Формулу-1, разумеется — когда-то вообще не пропускал, но и сейчас, даже после ухода Шумахера из спорта и отчасти жизни, смотрю. Конечно, острота притупилась, да и любимцев нет — все-таки любой спорт должен быть очеловечен. Все равно включаю, болею, мчусь, прижатый к земле, вдыхая вонючий дым, слившись с моей умницей в одно упругое тело.

Доктор, я б зубами вцепился в этот пестрый ворох, утонул с головой в этой волшебной помойке людей, ароматов, приятных занятий, вкусов, ради нее я готов даже просыпаться в собственной постели и проживать слюдяное блеклое утро, каждый день. Спускаться на два этажа вниз, чтобы вести близнецов в сад. С прошлого года я поселился отдельно, так нам всем лучше, доктор, так мы решили.

Я готов ради этих кепок, дыма и гонок терпеть всю несносность своего внутреннего устройства.

Но как прикажете жить, если вечером в подъезде меня встречают сладкие, темные пасти, дышат подступающей ночью, забрасывают душу комками запа-

хов: набухшие почки, влажная кора, сырой асфальт — апрель посыпал нас дождичком чуть не каждый вечер. Окна распахнуты, и все, что там, мокнет, пахнет в открытом черном зеве, тащит меня вниз.

Доктор, я и сам не могу объяснить это явление, но между шестым и седьмым, седьмым и восьмым — из них надежней полет — в собственном моем подъезде меня упрямо душит этот соблазн.

Выброситься в никуда. А перед последним ударом немного полетать.

И каждый весенний вечер я нажимал кнопки домофона, сдерживая внутренний ужас и жар, входил в подъезд, дрожащий, бессильный, добежал до четвертого этажа и вот тут замедлялся. Шел совсем близко к стене, но ведь и не прижаться — не просохла краска! Проходил первый пролет, добирался до поворота и дальше уже без стеснения хватался за трубу мусоропровода — ее покрасили первой в темно-серый, и хорошо, надежный, нейтральный цвет, она высохла, и я вжимался в нее, как в последнее убежище. Вцеплялся, как та обезьянка, оторванная от матери, которой дали вместо мамы шерстяной муляж, и в минуты страха (ее нарочно пугали — ради эксперимента!), в минуты голода (которым ее тоже морили) она обнимала эту шерстяную дуру, жалась к ней, потому что... куда ей было деться еще.

Оттолкнувшись от мусоропровода между четвертым и пятым, снова шагал вверх, от площадки между этажами взлетал полпролета, чтобы тут же схватиться обеими руками за вонючую трубу. Так и двигался

все четыре этажа перебежками, зажмурившись, поскуливая, только бы не смотреть туда! И все равно сквозь вонь мусора и человеческой грязи, сквозь резкий и кружащий голову запах краски отчетливо ощущал фиолетовый аромат тления, близкой смерти. По неведомым мне законам, нет, в нарушение всех законов физики, именно он звенел в воздухе сильнее и неотвратимей других. Только бы не обернуться! Тем более не выглянуть наружу, во двор. Поднявшись на несколько ступеней вверх, не вернуться назад, не прыгнуть.

Хотя сильнее всего на свете мне хочется именно этого — вернуться, сдаться. На слабых, но сразу же счастливых, благодарных за вымоленное позволение ногам подойти к подоконнику и все-таки выглянуть в вечер. Пахучий, мокрый, родной. Торопливо скинуть кое-как, не развязывая шнурков, ботинки. Встать на белоснежный подоконник, ощущая, что он слегка липнет к носкам, не досох, улыбнуться. Согнуть руки в локтях, распрямить, сделать два-три рывка в сторону для разминки. Вот и космонавты тренируются перед полетом.

Вытянуть руки вверх, соединив кисти, как перед нырком в бликующий бирюзовый прямоугольник бассейна, оттолкнуться, как можно сильнее, и спокойно, уверенно прыгнуть вперед, горячим лбом в свежую прохладу, обязательно вниз головой, навстречу влажной московской земле и запахам детства — зацветающих тополей, клейких листков и первых упавших на асфальт березовых сережек, метя точно в центр расходящихся кругами перели-

вов звонка на ручке трехколесного велосипеда, прошибая насквозь облачко детской воркотни у качелей.

Доктор, и так каждый день. Жажда погибнуть. Жажда пропасть на хрен заваливала меня, грызла горло. Тайную ото всех вечерю гибели служили мне белые бутоны неведомых цветков на дворовой клумбе, окруженной ромбиками кирпичей, обсыпанные надутыми почками кусты, тополя и березы. Дымок первой зелени поднимался от алтаря. А жертва? Я. И значит, я обязан решиться. Все было готово, оставалось сделать единственный шаг, упругий прыжок в свободу.

Утром я слишком спешил, был при близнецах, которых вел в садик, к тому же с утра по подъезду уже ходили и переговаривались рабочие, да и окна часто отчего-то были притворены или даже закрыты.

Вечером я поднимался один. Окна ждали меня. Подмигивали, точно старые друзья, распахивали объятия. Что останавливало меня, почему я убеждал себя — всякий раз чудом! — что делать этого все же не стоит? Я нарочно втискивал себя в воспоминания о какой-нибудь недавней прогулке с Дэном и Ванькой, за шиворот вталкивал в крутящийся с каруселью Ванькин смех, заставлял себя представлять, как вместо меня однажды у них появляется другой папа, брал наугад кого-нибудь с работы, и разве он сумеет им заменить меня? На этом месте меня уже рвало, почти рвало, когда я видел какого-нибудь Сашика с моими близнецами... Я уговаривал себя и дальше: очень важно досмотреть, узнать, какими они станут,

мои мальчики, когда вырастут, будут ли похожи на меня, а может, на Ирку? Нет, нет, нужно было еще немного пожить. Вот только как проваться?

И я изобрел нехитрый способ: я просто дожидался кого-нибудь внизу, делая вид, что достаю почту, отпирал и запираю пустой ящик. И все ждал, чтобы кто-то зашел в подъезд: крупная армянка с двумя маленькими беленькими собачками с шестого, рассеянный коротко стриженный парень в железных очках — из большой многодетной семьи с девятого или кто-нибудь еще из их шумного семейства, малыш с пофигисткой-мамой, вечно глядящей мимо детей, нервный бородатый отец, а может, сиплый дед из квартиры напротив. Да хоть молоденькая парочка студентов с седьмого, он всегда трогательно тащил ее рюкзак с книжками! Я здоровался, иногда вступал в краткий разговор, мы вместе ругали наши службы, которые никак не сделают лифт, жаловались и проклинали, присутствие людей отвлекало, я пристраивался к ним и пробегал мимо ощерившихся стражников влегкую. Но если долго никто не шел, я решался. И поднимался один.

Ночью, погасив свет и завернувшись в одеяло, первое, что я ощущал сквозь темноту, — настойчивый зов окна, запахнутого окна, к которому, стоило мне закрыть глаза, я все-таки подходил, скидывал ботинки, вставал на свежеекрашенный подоконник, поднимал лодочкой руки и прыгал... Чтобы не видеть этого, я не выключал свет до тех пор, пока не впадал в полное изнеможение, что-то смотрел на айпаде, листал, читал, слушал музыку в наушниках,

старался не спать подольше, но все-таки не выдерживал, проваливался в некрепкий больной сон, просыпался наутро разбитым.

В эти последние апрельские дни я и позвонил Толику.

Сказал, что меня замучила бессонница, пусть это было не совсем правдой. Он почти перебил меня, торопился, я застал его в разгар школьного дня науки, звуки музыки, шум голосов заглушали его. Толик прокричал, что у него есть один невролог, хотя на самом деле больше, чем невролог. Доктор Грачев, живет на Бауманской, принимает дома, лови — в ухо мне зажуужжала эсэмэска, а Толик отключился. Я так и не успел его спросить, отведаль ли он сам целительных встреч.

Ремонт в подъезде, наконец, кончился, только вот лифт так и не работал, и каждый вечер меня по-прежнему томили и звали окна.

Наступили майские, жена поехала с детьми на дачу, собиралась вернуться через несколько дней. Я остался в городе и позвонил вам вечером, как только проводил их. Доктор, вы прозвучали довольно приятно и так... по-свойски, наверное, это профессиональное, мы тут же договорились о встрече, все разъехались, у вас было два освободившихся места, я выбрал ближайшее, поздним утром следующего дня.

В тот день вдруг резко похолодало, помните? Черемуха ли зацвела? Мутно-белым было то утро и совершенно пустым. Я домчался по свободной Москве за двадцать минут.